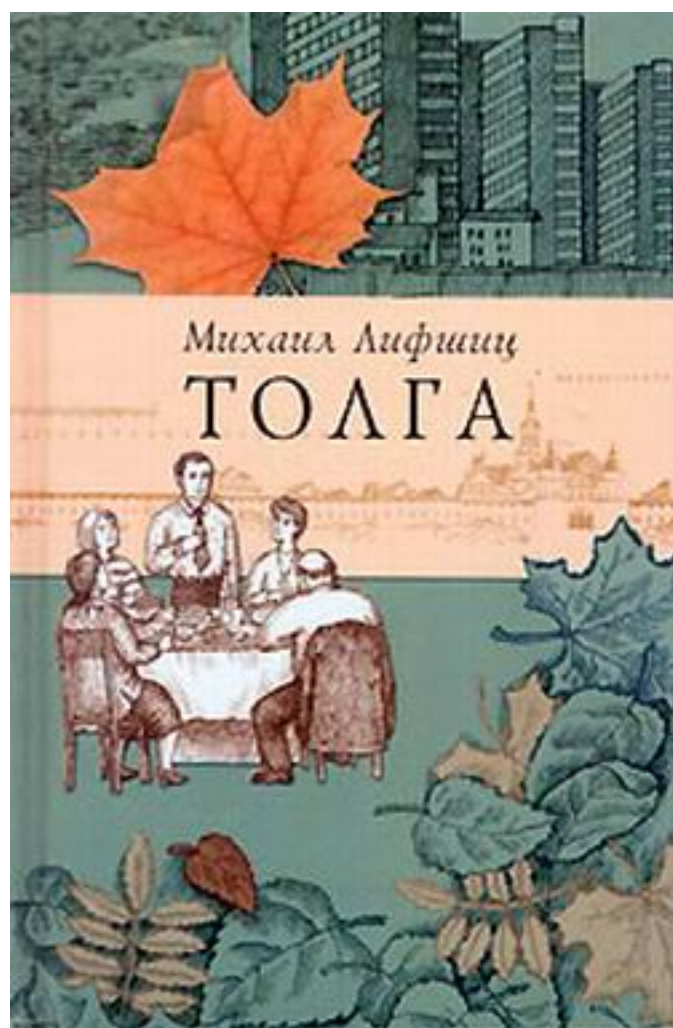

Михаил Лифшиц

Любовь к родителям

«Автор»

Лифшиц М.

Любовь к родителям / М. Лифшиц — «Автор»,

ISBN 978-5-425-09767-5

В повести «Любовь к родителям» герой - Сергей Фарбер - анализирует свою жизнь и главную ее трагедию – неразделенную любовь к родителям, слепую веру в их ум, талант, благородство. Картина жизни с наиболее яркими, драматичными эпизодами предстает перед глазами уже взрослого Сергея. Вспоминается детство – бедность, переезды, постоянные ссоры родителей друг с другом и с родней, навязывание постыдных, не соответствующих действительности оценок близких. Потом студенческие годы – учеба, студенческая наука, знакомство с будущей женой. Работа, защита диссертации, служебные успехи, создание счастливой и дружной семьи. Каждое достижение – без помощи родителей, против их воли, вопреки их советам. И родительская оценка каждого успеха Сергея как случайной удачи никчемного человека. Это история, пронизанная подробностями человеческих отношений – в диалогах, в событиях, в действиях. Это история о поколении людей, рожденных в 50-х годах, но она будет близка и понятна молодежи. Как сказал автор предисловия к книге «Любовь к родителям» Георгий Пряхин, «повесть, может быть, не совсем автобиографическая по отношению к автору, но она автобиографическая по отношению к каждому человеку».

ISBN 978-5-425-09767-5

© Лифшиц М.
© Автор

Содержание

Глава 1. МОЙ ОТЕЦ	7
Глава 2. МОЯ МАТЬ	9
Глава 3. МОИ РОДИТЕЛИ	11
Глава 4. САХАЛИН	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил ЛИФШИЦ

ЛЮБОВЬ К РОДИТЕЛЯМ

семейная история

Моя мать жива и неплохо себя чувствует, в соответствии с возрастом, конечно. Это при том, что у нее большое сердце, и умные доктора с молодых лет советовали ей «держаться в порядке». Она совершенно самостоятельный человек, работает, то есть пишет статьи, которые она называет рассказами. Мать обладает прекрасным слогом, таким хорошим русским языком умеют теперь писать немногие, и произведения моей матери охотно печатают несколько уважаемых изданий.

Если мать знает предмет, о котором пишет, то получается действительно интересный материал. Но если мама плохо представляет себе, о чем идет речь, то получается хорошо изложенный бред. Бывает даже, что идея статьи подловата, бывает прямо противоположна идее ранее написанного тем же пером произведения.

К сожалению, мать считает все свои рассказы великолепными или очень хорошими, полагая, что совершенная форма полностью искупает недостатки содержания. Так, она написала целую книгу под названием "Как не ссориться с мужем", в которой во многих главах изложено, что нужно делать, чтобы в семье был лад. Со своим мужем, моим отцом, мать прожила 48 лет. Ругались они каждый день по любому поводу и без повода, относились друг к другу с молодой ненавистью, даже когда состарились. Ссоры были по полной программе: с дракой, киданием предметов, оскорблениями последними словами и сердечными приступами. Тем не менее, книга написана живо, с юмором, и постороннему читателю может даже что-то и показаться. Мать мне как-то сказала, что книга "Как не ссориться с мужем" – лучшее, что она написала. Но Бог правду видит, и это самое злое маманино произведение полностью, в виде книги, осталось неопубликованным. Может быть, единственная не вышедшая книга моей матери, а вышло их около двух десятков, и среди них есть превосходные.

Мою робкую критику ее произведений мать принимает в штыки. Если я указываю на какое-либо несоответствие в статье, или анахронизм, или на опечатку, у матери отказывается тормоз, позволяющий ей вести себя со мной сдержанно. Она горячо защищает свой рассказ, не соглашается даже исправить опечатки, говоря, что я читал не тот экземпляр, а в первом экземпляре все исправлено. Мать говорит со мной при этом с тем раздражением и тем презрением, с которыми ко мне относится, потому что она талант, а я бездарь и не должен сметь.

Легенда о моей бездарности и недостойности материальных и прочих усилий с их стороны зародилась у родителей давно, когда я еще учился в школе, видимо, как оправдание для самих себя – не слишком-то они для меня старались, хоть была возможность. Им и не нужно было стараться что-либо для меня делать, уж очень я был влюблен в своих родителей, счастлив их лицезреть, очень уж страстно благодарил их за самое обычное, житейское, ничего не требовал, а получая частые отказы на любые просьбы, слишком быстро понимал, что мне отказали справедливо.

Многие годы мои родители прожили с детской уверенностью, что относятся ко мне заслуженно плохо, ведь я не стою лучшего (не на того выучился, не на той женился, не так все делаю). А то, что я к ним хорошо отношусь, так это правильно, потому что соответствует их талантам и заслугам перед обществом.

Так и прошла жизнь – родители оставляли меня без помощи в трудные периоды жизни (он бездарь и недостойн нашего внимания и, в особенности, лишних затрат) и принимали помощь от меня (ведь они заслужили, а мне ведь это не составляет труда). А уж если роди-

тели участвовали в чем-нибудь, например давали деньги на строительство собственной дачи, устраивали моих детей в детский сад или обсуждали с моим сыном, куда ему поступать после школы, то такие героические поступки заносились в скрижали, и я должен был много лет за них благодарить.

Отец умер в преклонных годах, мать живет на мои деньги и на деньги моего сына, но все равно не любит меня и всем объясняет, что живет на свою пенсию и гонорары, которые вместе покрывают едва ли треть ее расходов, а я довольно пожилой человек и достиг кое-чего в жизни.

И только теперь убедил я самого себя, что никакая я не бездарь, а способный человек, могу многое и добился бы в жизни большего, если бы с детства не подрезали мне крылья мои родители. Нет, не так. Если бы не связала меня по рукам и ногам любовь к родителям, постоянное чувство долга перед ними, стремление оправдаться, доказать им, что я хороший и поэтому достоин их любви. А так, редко я выбирал сук по плечу, замахивался на веточки потоньше – куда мне. Только теперь я понял, что любить меня мать и отец могли просто за то, что я их сын, так же, как я любил их всю жизнь ни за что.

Я всегда что-то писал, в том числе и про мать с отцом. Теперь я это собрал вместе, и получилась история моих отношений с родителями, семейная история под названием "Любовь к родителям". Ничего в старых текстах я не стал менять, пусть остается как было, как тогда писалось.

Глава 1. МОЙ ОТЕЦ

Я родился от честных и благородных родителей в 1949 году, за два дня до семидесятилетия Сталина. Мой отец Марк Израилевич Фарбер был в то время слушателем Военно-политической академии имени В.И.Ленина, так что задержись я с рождением, назвали бы меня Иосифом и дали бы юбилею телеграмму. А так я стал Сережей Фарбером. Вообще-то, евреев, кроме отца, на курсе было еще двое, на общеполитическом факультете. А на редакторском факультете, на котором учился отец, был только один Фарбер.

Отец был горячим комсомольцем тридцатых годов, в школе занимался всеобщим. У меня сохранилась вырезка из газеты со статьей под названием "Фарбер – лучший организатор". Ходили в полувоенной форме, учили немецкий язык.

Семья моего деда, которого я никогда не видел, а отец не помнил, кто он был по отчеству, состояла из него самого, ночного сторожа, неработающей бабушки и двух сыновей – моего отца и его младшего брата. Жили бедно, как все, и даже еще беднее. Дома было тяжело – нищета и скандалы. Настоящая жизнь была в школе, в кружках, в комсомоле.

Окончив школу, отец пытался поступить в университет, но экзамены сдал плохо, к тому же то ли в этом году, то ли за год до этого умер дед, не дожив до шестидесяти лет. Отец пошел работать. В школьные каникулы он подрабатывал в типографии "Комсомольской правды", туда же и устроился. Из типографии приносил домой читать полуготовые книги, однажды за ночь прочел "Как закалялась сталь" Николая Островского. Потрясение от этой книги осталось на всю жизнь. В общем, был культурным юношей. Довольно быстро толкового парня заметили и взяли из типографии наверх, в редакцию, в отдел писем.

Когда посадили комсомольского вождя Косарева, стали активно выявлять врагов народа в комсомоле. Косарев говорил, что в комсомоле нет врагов народа, за что и поплатился. В "Комсомольской правде" пристальное внимание уделялось происхождению. На вопрос "Кто твой отец?" – Марик Фарбер ответил, что отец умер в 1936 году.

– А кем работал, пока был жив?

– Ночным сторожем.

– На каком заводе?

– На совместном с немцами.

"Ну, тогда он, наверное, был шпионом, и Фарбера нужно выгнать из комсомола как шпионского сына", – решили комсомольцы. Все стали рассказывать разные случаи про шпионов и их детей. Общее мнение сходилось к тому, что одного выявили. Когда все накричались, встал Юрий Жуков, молодой, а впоследствии известный журналист, и сказал, что не все же, кто работал на совместных предприятиях, были шпионами. Все опять стали кричать, но тон собрания изменился, и решили объявить выговор. С этим решением мой отец был внутренне согласен, ведь как напряжена была международная обстановка.

Однако райком комсомола такое решение не утвердил, как несоответствующее тяжести проступка, и послал в горком предложение исключить Фарбера из комсомола. В горком отец поехал вместе с секретарем комсомольской организации, но даже не заходил в кабинет, ждал за дверью. Секретарь вышел оттуда, позвал отца за собой и на улице сказал ему: "Утвердили выговор".

Отцу объявили выговор и понизили зарплату, но он, дитя своего времени, приняв самое мягкое из возможных наказаний, не был удовлетворен. "Как же так, – рассуждал отец. – "Комсомольская правда" и горком оказались едины в своем мнении, а райком хотел честного комсомольца исключить, не считаясь с мнением первичной организации. Наверное, в райкоме засели контрреволюционеры, и их надо вывести на чистую воду". Эти свои мысли отец высказывал вслух в общественных местах, однако то ли отец сам испугался двинуть дело,

то ли ему отсоветовал умный секретарь, я из рассказа отца не понял, но история на этом заканчивается. А рассказывал мне ее отец один раз в жизни, и потом ни на какие вопросы не отвечал.

Так что мой отец был вполне молодым человеком конца тридцатых годов. Он носил галстук с большим узлом, большие наручные часы и очки в круглой металлической оправе, был спортсменом-разрядником, даже участвовал в Спартакиаде народов СССР, писал статьи и встречался с девушками. В армию его не призывали – он был единственным кормильцем матери и младшего брата.

Когда брат повзрослел, отца взяли в армию и привезли в Карелию. Однако тут же хотели отправить назад – на месте показалось, что четыре диоптрия для солдата много. Последнюю подпись под документами отец должен был перед отъездом получить у какого-то замполита или комиссара. Тот посмотрел отцовы документы и сказал:

– Куда ты поедешь? Война все равно будет. Тут тебя научат и сделают солдатом, а там пошлют необученного воевать, и погибнешь просто так. Будешь служить.

Возможно, этот человек спас отцу жизнь, судьба московского ополчения трагична.

Так отец стал заряжающим в орудийном расчете на конной тяге. Отец рассказывал, что служба складывалась удачно, он даже был победителем в смотре состояния лошадей, за что получил благодарность и коня командира взвода – чтобы так же образцово ухаживал и за ним.

Вскоре после начала войны отца из артиллерии откомандировали в редакцию газеты 14-й армии. Отец уходил не очень охотно – он привык, у него получалось, для неуверенного в себе человека это важно. Потом, в редакции все были командирами и политработниками, а отец был красноармейцем. И, наконец, отец хотел получить орден, и ему казалось, что в орудийном расчете этого добиться проще. А что касается опасности, так ведь отцу было двадцать с небольшим.

Но его не спрашивали: работал в «Комсомолке» – значит иди служить в редакцию.

Служба в редакции тоже сложилась хорошо, об этом я мог судить по воспоминаниям товарищей отца, вышедшим уже в наше время, в которых о Марке Фарбере отзывались очень тепло и называли и смелым, и веселым, и кудрявым, а я знал отца только лысым. Остались подшивки газеты и маленькие военные сборники, в которых было много статей отца, и сделанные им фотографии.

Особенно пронзительное впечатление произвел на меня-мальчишку групповой снимок летчиков истребительной эскадрильи, из которых ни один не остался в живых.

В конце 41-го года отца приняли кандидатом в члены ВКП(б) и сразу присвоили звание младшего политрука, а летом 42-го отец стал уже настоящим членом, досрочно, до истечения кандидатского стажа, с формулировкой "как отличившийся в боях". Я обожал все эти подробности и запомнил их на всю жизнь.

Войну отец закончил капитаном с двумя орденами. "Красная Звезда" не знаю за что. Возможно, за организацию соревнования между снайперами разных частей. Когда снайперы стали соревноваться, то убили больше немцев и финнов, чем без соревнования. Тогда многих снайперов наградили, может быть, и отца вместе с ними. А "Отечественная война" 2-й степени за то, что отец с первой ротой вошел в город Печенгу, а потом прорвался через заминированный мост к месту, где был телефон, и сообщил о взятии этого города в редакцию. Рядом сидели корреспонденты центральных газет и записывали то, что отец диктовал в телефон своим, в армейскую газету. Поэтому отцовская газета сообщила о взятии Печенги первой, еще до приказа Верховного Главнокомандующего.

Отец ни разу не был ранен, а из трофеев ему достались немецкий штык и «Железный крест», но они меня не дождались – потерялись. После войны отца направили служить в военную газету в Петрозаводск. Там он встретил маму.

Глава 2. МОЯ МАТЬ

В Петрозаводск мама попала по распределению после института, а родом она ленинградка. В отличие от семейства моего отца, которое в боевом 18-м году приехало в Москву из Киева и поселилось в пустой квартире, мамина семья жила в Питере с давних лет. Наш предок чем-то отличился, кажется, при Николае I и получил право жить вне черты оседлости, причем этим правом могли пользоваться пять поколений его потомков. Моя бабушка, мать моей матери, еще попадала под эту льготу и поэтому не только жила в Санкт-Петербурге, но даже училась в гимназии.

Семья была культурная, мой прадед работал наборщиком, а потом стал хозяином маленькой типографии в Лештуковом переулке. Типография печатала дешевые издания классиков, визитные карточки, приглашения на званые вечера. Питерские историки, наверное, знают типографию Саулкина. Мама рассказывала, что к прадеду приходили нелегалы и просили напечатать прокламации, но он не согласился. Прадед умер, кажется, до 17-го года, и типографии не стало еще до революции. В квартире в Лештуковом переулке осталась прабабушка с двумя девочками – моей бабушкой Фаней и ее сестрой Нюрой.

С началом НЭПа в Петрограде появился мой дед. Он приехал из Белоруссии делать бизнес в Питере. Дед, как я сейчас понимаю, был настоящим мужчиной: высокий, красивый, здоровый (если не считать глуховатости – последствия контузии, полученной на мировой войне), бывший бравый унтер-офицер, по предыдущей службе связанный с природой, кажется, он работал лесником.

В чахоточном Питере дед был человеком заметным и производил впечатление на девушек. В начале 20-х он женился на красавице-полуинтеллигентке, моей бабушке. У них родились две девочки – моя мама Полина и ее младшая сестра Зина. Вспоминая свое детство, мама, в основном, рассказывала про голодные завтраки, мокрые ноги и единственное платье.

Думаю, она несправедлива к своим родителям. Обе девочки занимались музыкой, хотя больших способностей у них не было, рисовали, научились шить, умели делать огромное количество дел, каждое из которых сейчас умеют делать только специалисты – переплетать книги, делать абажуры, кукол, портьеры, прекрасно готовить и бесконечное множество другого. У девочек была воспитана тяга к театру. Мама, кроме того, была глубоко и разносторонне начитана, писала стихи и пьесы. В общем, могла все и была красива. Зина была попроще, но обладала практической сметкой и была еще более красива. По словам мамы, бабушка больше любила ее младшую сестру, а дедушка стремился накормить семью, содержать ее на должном уровне и в эти тонкости не вдавался. То есть, как я уже отметил, был настоящим мужчиной.

Главным маминым увлечением был театр. Она знала ленинградские театры прекрасно, тонко разбиралась в театральном искусстве и страстно любила театральную жизнь. В 1941 году мама окончила школу и поступила в театральный институт на театроведческий факультет.

Мама успела даже немножко поучиться в осажденном Ленинграде, потом заболела, а когда выздоровела, то узнала, что институт уехал в эвакуацию.

Началась блокада. Моего глухого деда, которому было столько лет, сколько мне сейчас – 47–48, взяли в ополчение. Мог отбояриться по глухоте, но не стал, не то настроение было тогда у ленинградцев. Поэтому у нас в семье считалось, что дед ушел на фронт добровольцем. А бабушка осталась с двумя дочерьми и двумя старухами – своей матерью и матерью мужа. Старухи довольно быстро умерли от голода. Мамина сестра обезножила и ходила на костылях. Бабушка носилась по городу, продавала все, что могла, вернее, меняла на еду, зарабатывала рукоделием. Спрос был, «жучки» водились. Однажды, сговорились обменять

мешок капустных листьев на стакан водки. Водки не было, но упускать мешок было нельзя. Придя домой, бабушка сообразила, что делать. Налила в стакан оставшиеся довоенные духи и одеколон и подала продавцу. Мужик выпил, ничего не сказал и ушел. Таких случаев, позволивших не умереть с голоду, было несколько.

А мама работала организатором (или агитатором, или кем-то таким). Работа была разнообразная – тушили зажигалки по ночам на крышах, искали припрятанные трупы, то есть выявляли тех, кто хотел пользоваться хлебными карточками мертвых людей, хоронили умерших, у которых не было близких. За эту работу полагалась рабочая карточка.

Зимой или весной 42-го года домой вернулся дед. Его снова контузило, и он был комиссован. Дед с трудом вернулся в Ленинград, хотя полагалось ему отправиться на внешнюю сторону кольца. Дед принес три буханки хлеба и собирался и дальше кормить семью, но быстро слег и стал дополнительной обузой для бабушки.

Не мне, послевоенному, рассказывать про ленинградскую блокаду. В общем, семья выжила и осенью 42-го года была эвакуирована из Ленинграда на катере по Ладоге. На другом берегу ленинградце начали кормить, потом повезли на восток и первое время хорошо кормили, а потом эшелонное начальство стало воровать, кормить перестали, и народ начал из эшелона бежать. Семья моей мамы сбежала одной из последних в городе Джамбуле.

Как-то обосновались в этом казахском городе, стали зарабатывать на хлеб, образовалась даже компания из ленинградцев – эвакуированных и раненых молодых людей. Мама работала уборщицей в парикмахерской и пыталась связаться со своим институтом, который был в Новосибирске. Но оттуда не отвечали, поехать просто так было нельзя. Тогда мой дед принял волевое решение – в Джамбуле находился Ленинградский юридический институт, вот маме и велено было туда записаться. Взяли ее в институт легко – ленинградка и студентка ленинградского вуза! В 44-м году юридический институт вернулся в Ленинград и мама вместе с ним, а через некоторое время вернулась в Ленинград мамина семья. Так мама стала юристом.

В Ленинграде узнали о судьбе бабушкиной сестры Нюры. Она жила в Витебске с мужем и тремя сыновьями. Старший успел уйти на фронт и погиб. Остальные попали в гетто. Младший сын Юра бегал за проволоку к знакомой русской семье за хлебом. Нюра предчувствовала ликвидацию и, отправляя Юру за хлебом в последний день, дала ему записку, чтобы его не отпускали назад. Храбрые люди оставили Юру у себя насильно, но через несколько дней он от них сбежал и пришел на место, где было гетто. Очевидцы всегда остаются, от них Юра узнал, как расстреливали – сначала родителей на глазах у детей, а потом детей. Где Юра мотался всю войну, не знаю – мама, по-моему, тоже не знает. Но сразу после войны он пришел к моей бабушке и стал жить у них в семье.

Мать окончила институт в 1947 году. Для девочки-юриста с пятым пунктом путь на распределении был один – в адвокатуру на периферию. Так мама попала в Карелию и встретила отца.

Глава 3. МОИ РОДИТЕЛИ

Отец быстро охмурил приезжую красавицу. Еще бы – фронтовик-орденоносец, начальник отдела в газете, комментировал по радио футбольные матчи (хоть при этом картавил и часто говорил «э-э-э»), входил в городской бомонд. А тут интеллигентная девочка, совершенно неустроенная, весь быт состоял в койке, снятой у какой-то старой грымзы, а работа – на адвокатском пункте в нескольких десятках километров от Петрозаводска.

Родители мои поженились. Отец сразу объяснил маме, кто в семье главный, а кто должен делать всю работу и за все отвечать. Как рассказывала мама, она сразу почувствовала, что попалась в капкан. Может быть, мама это придумала впоследствии, были ведь в начале их совместной жизни счастливые беспечные минуты.

В пятидесятых годах во многих изданиях – журналах, отрывных календарях – часто печатали фотографию: на валуне около водопада две маленькие фигурки, молодая пара – он стоит, гордо подняв голову, в гимнастерке, с перетянутой ремнем тонкой талией, протягивает ей руку, а она присела на валун, держит его за руку и смотрит на него. Это мои родители около водопада Кивач. Фотографировал их знакомый фотокорреспондент, когда они путешествовали по Карелии.

Мама тогда поскользнулась и чуть не упала в водопад. Папа этого не видел. Фотограф кричал, показывал руками, но папа из-за шума воды ничего не слышал и не мог понять, в чем дело, пока наконец не оглянулся. Мама уже висела на ногтях, и папа ее вытащил в последнюю минуту.

В Петрозаводске родители прожили недолго, отцу нужно было сдавать экзамены в академию. В Москве маму с папой ждали две комнаты в центре, в которых жил только папин младший брат. Мать отца в начале 1945 года упала, сломала позвоночник и умерла.

Мама, само собой разумеется, стала обслуживать двух мужиков. Отношения как-то сразу не заладились, отец демонстративно контролировал, хорошо ли жена ухаживает за братом, а тот жаловался отцу: "Марик, твоя стерва мне кушать не дает!"

Впрочем, я все это знаю со слов матери, отец ничего никогда не рассказывал, но, по своему ощущению, думаю, что так вполне могло быть.

Отец поступил в академию, хоть и не без труда, а мать была отправлена в Ленинград к бабушке, дохаживать беременность и рожать. Родившийся мальчик прожил недолго, до полугода не дожил, и умер от воспаления легких. О первом ребенке моих родителей я узнал, когда мне было за двадцать, раньше никогда в семье о нем не говорили. Я не знаю, ни как его звали, ни где он похоронен. Мама горевала ужасно. Ее вернула к жизни только поддержка и забота папы. По другой трактовке, мама долго не могла оправиться, потому что с папой почти не общалась в это время, он был в Москве, и у него были свои дела, более важные, чем смерть ребенка. Не знаю, что было на самом деле – мама рассказывала и так, и этак, в зависимости от текущей жизненной ситуации.

В 50-м году арестовали деда. Политики не было никакой, просто дед был предпринимателем, возил с Севера в Ленинград рыбу и попал под какую-то кампанию. В "Ленинградской правде" напечатали фельетон "Король салаки", героем которого был дедушка. Следствие вели неторопливо, суд состоялся в 1954 году, и деда оправдали, но четыре года в тюрьме он просидел. Отец перепугался сильно, боялся, что вылетит из академии, но с матерью не развелся.

Отец учился в академии блестяще – «пятерки» по всем предметам. Пять раз он ходил в строю по Красной площади в рядах Краснознаменной ордена Ленина Военно-политической академии имени Ленина, однако ничего не видел, потому что очки на параде полагалось снимать. Каждому параду предшествовали два месяца репетиций.

Незадолго до окончания отца спросили:

– Товарищ Фарбер, поедете служить на Сахалин?

– Я оканчиваю академию с отличием, и сам выберу округ, в котором буду служить, – смело ответил папаня. За этим последовало насмешливое: "Да?", две «четверки» на выпускных экзаменах и назначение начальником отдела газеты «Тревога» в городе Южно-Сахалинске.

Ко времени окончания академии у родителей уже был я. Мама, понятное дело, собиралась ехать с папой, а я до выяснения обстановки был оставлен у бабушки в Ленинграде, где прожил год (мама всегда уточняла, что не год, а десять месяцев, подчеркивая, что не так уж и сильно она одолжилась у своей матери).

Родители ехали на Сахалин поездом, в одном купе с майором Рубиным, получившим назначение в политотдел округа (или армии?). Рубин стал другом родителей на всю жизнь, а его сын стал моим другом.

Третий еврей, окончивший академию, ехал не с ними, но тоже почему-то на Сахалин.

Однако, нет худа без добра. Период борьбы с космополитизмом наша семья провела на Сахалине, ни папу, ни Рубина не тронули, кампания не успела развернуться на Сахалине в полную силу.

Глава 4. САХАЛИН

Родители хорошо и весело зажили на Сахалине. Им выделили японскую фанзу на улице Чехова. Мама говорила, что так и не узнала, сколько же в ней было комнат, потому что можно было отодвинуть какую-нибудь стенку и найти новую комнату. Около фанзы был огород, а на улице Чехова была булыжная мостовая, это я уже сам помню. Первое время в одном доме с ними жил Рубин. Через год он привез семью и получил квартиру, а мама съездила за мной в Ленинград.

На Сахалине блестяще проявился мамин талант устраивать дом. Отец был склонен поставить ящик, накрыть его газетой и с такой мебелировкой ожидать очередных изменений в жизни, «оргов», как назывались мероприятия, после которых офицеров могли запросто перевести куда угодно. Поэтому же отец, уезжая из Москвы, забронировал за собой меньшую из двух комнат, площадью 13 квадратных метров, а большую, площадью 20 метров, оставил брату – боялся, что его могут перевести туда, где не положено бронирование московских комнат, в этом случае пропала бы маленькая.

Мама устраивала жизнь по-настоящему. С ее светлой головой и проворными руками, она превращала устройство жилья в фейерверк находок и остроумия. Отец был на подхвате, но помогал, как я понимаю, с удовольствием. Маме бы тогда объяснить папе, кто чего стоит, и не уступать потом ни пяди, может быть, и жизнь пошла бы по-другому. А так отец придумал для матери прекрасное определение, которое позволяло ей все делать, но вместе с тем ни на что не претендовать. Папа называл маму "комнатный гений". Этим как бы признавались несомненные и разносторонние мамин таланты, но отмечались и их мизерные масштабы. А подлинным, вселенским гением был, конечно, папа.

После фанзы нам дали двухкомнатную квартиру в новом шлакоблочном доме в военном городке. Это уже было настоящее жилье. Я помню, что в этой квартире собиралась компания – офицеры с женами, сахалинские юристы, журналисты. Солили красную икру, разделяли крабов со скрученными проволокой ногами, пели песни, устраивали маскарады. Душой компании была мама.

Я преклонялся перед этими красивыми молодыми людьми, особенно перед офицерами. Как-то вечером я катался во дворе на бельевого веревке, веревка оборвалась, и я разбил голову о камень. Мама поволокла меня в больницу, и возвращались мы совсем поздно, на улице – ни души. Только впереди шел, сильно качаясь, человек в форме. На всю жизнь у меня осталось изумление, как это офицер, венец творенья, может быть так сильно пьян и, во-вторых, если так пьян, то почему песен не поет. У нас в доме хоть сильно не напивались, но пели всегда.

Слова «магазин» и «клуб» я узнал только в первом классе, до этого я знал «военторг» и "Дом офицеров". В военторге выдавали паек, около военторга мужики продавали горбушу с икрой, а в Доме офицеров устраивались "ситцевые балы". Мама сшила себе ситцевое платье, а папе ситцевый галстук, они танцевали на балу вальс и танго и стали победителями, принесли домой приз – серебряное блюдо.

Из сахалинской жизни я помню многое, но отрывочно. Помню отца с разбитой головой – пошел ночью курить на кухню, потерял сознание, упал и ударился лысиной о железку возле печки. Сколько же отцу было лет тогда? Тридцать девять или сорок, меньше, чем мне сейчас. Мама сердилась, что он потащился ночью курить, а у него было виноватое лицо, и он оправдывался. Я папу очень любил, мне его было жалко, и я хотел сказать маме, что папа не виноват. В моей взрослой жизни я никогда не видел у папы такого лица, он начинал раздражаться, кричать и обзывать, не выяснив, кто, куда и на что упал...

Помню, как отец брал меня с редакцией на рыбалку. Ехали на грузовиках к Охотскому морю, а рыбу ловили в речке, вблизи устья. На обратном пути видел, как на широкой полосе отлива корейцы собирали морскую капусту. Это мне так объяснили, а я видел только маленьких человечков на мокром песке...

Мама повела меня стричь, и парикмахерша спросила:

– А ты кого больше любишь – папу или маму?

– Папу, – ответил я, подумав. Мне показалось непорядочным говорить, что я люблю больше присутствующую здесь маму, а не отсутствующего папу.

– А почему? – хихикала парикмахерша.

– Ну, – начал я фантазировать на ходу. – С папой можно на рыбалку и за грибами.

Мама обиделась ужасно, и после посещения парикмахерской стала мне объяснять, какой я неблагодарный и поверхностный человек. А я канючил: «Чего она спрашивает?..»

Мне шесть лет. Поздний вечер, в квартире очень темно, тепло и спокойно. Я сижу у мамы на руках, а в кровати спит мой новорожденный брат, и мама мне рассказывает:

– Я тебя очень люблю, я любила тебя больше всех на свете. Когда должен был появиться Алешенька, я думала, что ты будешь настоящий сын, а второй – просто так, на всякий случай, ребенок "на каждый день". Знаешь, как бывает хороший костюм, который надевают по праздникам, и костюм похуже, который носят каждый день. А теперь вас двое, и я люблю вас совершенно одинаково, мое сердце разделено ровно пополам.

– А как же папа? – спросил я. Других родственников, кроме папы и брата, я не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.